

Журнал Пионер

№8 за 1990 год

УДК 82-053.2
ББК 74.27
Ж92

Ж92 Журнал Пионер: №8 за 1990 год / – М.: Книга по Требованию, 2021. – 59 с.

ISBN 978-5-458-44475-0

Пионер — ежемесячный литературно-художественный и общественно-политический журнал ЦК ВЛКСМ и Центрального совета Всесоюзной пионерской организации имени В. И. Ленина для пионеров и школьников. Основан в 1924 году, выходит в Москве. Первый номер вышел 15 марта 1924 года. На страницах «Пионера» выступали Н. К. Крупская, М. И. Калинин, Ем. М. Ярославский, писатели С. Я. Маршак, А. П. Гайдар, Л. А. Кассиль, Б. С. Житков, К. Г. Паустовский, Р. И. Фраерман, В. А. Каверин, А. Л. Барто, Виталий Бианки, С. В. Михалков, Юрий Сотник, В. П. Крапивин, Ю. Козлов и др. В 1938 году в журнале печаталась сказка «Старик Хоттабыч» Л. И. Лагина. В журнале сотрудничали (по состоянию на 1975) З. И. Воскресенская, М. П. Прилежаева, Ю. Я. Яковлев, А. Г. Алексин, Л. Г. Матвеева, В. А. Бахревский, художники О. Г. Верейский, Л. В. Владимирский, А. М. Каневский, Ф. В. Лемкуль, П. И. Кузьмичёв, Е. А. Медведев и другие. Позднее в журнале печатались произведения Эдуарда Успенского. «Пионер» имел постоянные разделы школьной и пионерской жизни, публицистики, науки и техники, искусства, спорта, детского художественного творчества. Журнал организовывал работу тимуровских команд и отрядов. Награждён орденом Трудового Красного Знамени (1974). Тираж в 1975 г. составлял свыше 1,5 млн экземпляров

ISBN 978-5-458-44475-0

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2021
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2021

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

должна быть эта забота?

С первых дней создания пионерской организации ее связи с комсомолом определялись, как «руководство по поручению КПСС».

«На первых порах,— отметил съезд,— этот принцип обеспечивал связь поколений, преемственность революционных идей. Со временем же иерархическая соподчиненность: партия — комсомол — пионеры» стала пониматься буквально, и пионерской организации была отведена роль лишь послушного исполнителя указаний комсомола. И вот результат: «деформированная, недееспособная детская организа-

ция, не имеющая ни своей программы, ни руководства, ни кадров, ни финансовой и материальной базы».

Может ли так продолжаться дальше? Безусловно, нет, если мы хотим, чтобы ребятам было интересно в пионерской организации. Значит, надо в корне менять ее работу.

Пионерская организация должна стать прежде всего организационно самостоятельной. И получить право самой определять программу своей деятельности. И вообще ребята должны наконец не на словах, а на деле почувствовать себя хозяевами в собственной организации.

Какой она станет, наша пионерия, в ближайшем будущем? Каким быть Уставу детской организации? Какова роль детских объединений в советском обществе в условиях нарождающейся многопартийной системы?

На эти и другие непростые вопросы предстоит искать ответы делегатам X Всесоюзного пионерского слета, который откроется 25 сентября этого года в «Артеке».

Итак, что же решит, что скажет слет? Ты можешь помочь ему, если направишь свои предложения в Детский подготовительный комитет X слета при «Пионерской правде».

Фотографии В. ЕВСЕЕВА.

Николай ФЕДОРОВ

ТУЧКОВ МОСТ

ПОВЕСТЬ

Окончание. Начало в №№ 6, 7.

Рисунки К. ЯСИНСКОЙ.

У Андрея Болотникова есть друг — Петя Мосин. И еще есть девочка Оля, так похожая на старинный портрет из музея. Впрочем, Петя объясняет это сходство по-своему: «Влюбился ты в нее, вот она тебе везде и мерещится».

Однажды друзья отправились на свалку поискать медные трубочки для своих мальчишеских нужд. Там среди всякого хлама они вдруг обнаружили любопытный предмет: постамент памятника П. А. Столыпину, выдающемуся русскому политику начала века. На другой день отец Андрея ведет ребят к старому петербуржцу Ардальону Васильевичу Чернопрудскому. Каково же было удивление всех троих, когда они узнали, что Ардальон Васильевич был очевидцем убийства Столыпина в киевской опере в 1911 году!

Вид с Ростральной колонны

«Это, наверное, чужие, — подумал я, идя открывать. — Петька меньше трех звонков не дает, папа, если ключи забудет, так и вообще «Танец с саблями» на звонке изобразить пытается, а мама... Мама ключи никогда не забывает. Значит, чужие».

Но я ошибся.

На площадке, прислонившись к дверному косяку, стояла Оля. На ней был длинный плащ с поднятым воротником, а на голове большой, темный, тяжелый платок с кистями. Вид у Оли был какой-то жалкий, несчастный. Она хлопала глазами, тихоно шмыгала носом и ничего не говорила. Я растерялся и тоже молчал. Никогда раньше Оля не была у меня дома, и я даже не предполагал, что она знает номер моей квартиры.

— Андрюшка, ты один? — наконец тихо спросила Оля.

— Один.

— Можно, я у тебя посижу?

Она медленно, как лунатик, прошла по квартире, провела пальцем по корешкам книг, полки с которыми занимают у нас всю прихожую, потом остановилась и долго, молча разглядывала картину Саврасова «Грачи прилетели». Папа говорит, что эта картина — самое ценное, что есть в нашем доме. Конечно, это копия. Но сделал ее сам Саврасов. Папа рассказывал, что, когда художник был уже старый и больной и не мог работать в полную силу, он написал много, больше ста, копий своих знаменитых «Грачей». Одну из них и купил мой дед в Риге вскоре после войны.

— Грачи весной прилетают, — сказала Оля. — В апреле...

Она хотела еще что-то добавить, но, так ничего и не сказав, прошла в мою комнату и села на диван, поджав под себя ноги и натянув плащ на колени.

— Ты, наверное, замерзла? — спросил я. — Хочешь, я чай согрею. У нас мед есть вкусный. Маму на работе угостили.

Оля отрицательно покачала головой, потом сказала:

— У тебя нет хлеба?

— Конечно, есть, — обрадовался я. — Только за чем хлеб? Сейчас мы с тобой как следует поедим, суп разогрею, котлеты... Пирожное даже есть. Одно, правда...

— Нет, нет, я ничего не хочу. Только кусочек черного хлеба. И, если можно, с солью.

Хлеб, как назло, оказался черствым, но Оля не обратила на это внимания. Она отламывала маленькие, колющие ломтики и рассеянно клала их в рот. А я сидел на стуле посередине комнаты и совершенно не знал, что делать. И в то же время было как-то очень хорошо оттого, что Оля вот так, вдруг очутилась у меня в доме, уютно примостившись в самом уголке дивана. Привычная, надоевшая комната, в которой я знал каждую трещину, каждое пятнышко на обоях, сразу преобразилась и даже, казалось, стала светлее.

— Ты не обращай на меня внимания, — сказала Оля. — Ты ешь суп, котлеты. — И без всякой связи вдруг добавила: — Какие же все-таки они дураки.

— Кто? — не понял я.

— Родители. Нужны мне их сережки! Да мне ничего не нужно. Ни-че-го. Знаешь, я летом в деревне у деда жила. А дед пчел разводит — у него

шесть ульев. Так вот, он мне рассказывал, что есть такой пчелиный волк. Оса-одиночка — злая жутко. Она охотится за домашними пчелами, убивает их и тащит в нору на корм своим мерзким детенышам. Вот.

— Это ты к чему? — спросил я.

— Да так, вспомнила... А еще там озеро было, в лесу. Маленькое такое, черное, а у берега кувшинок — много-много. Я туда уйду с утра и целый день там сижу — купаюсь, ягоды собираю. Земляники вокруг — тьма. Целые поляны земляничные. Я с собой бутылку молока и кусок хлеба возьму, наберу земляники — вот у меня и обед. Знаешь, как вкусно — хлеб, земляника и молоко парное! — Оля вскочила с дивана, быстро расстегнула плащ и бросила его на пол, оставшись в длинном, до колен, свитере.

— А почему ты меня не поздравляешь? У тебя совесть есть?

— С чем, Оль? С чем поздравлять-то? — не понял я.

— Как это «с чем»? У меня сегодня день рождения. То есть именины. Да, именины.

— Так я же не знал. Откуда...

— Нет, вы послушайте: у меня именины, а он кормит меня засохшим хлебом с солью. Такой солью, между прочим, дворники улицы посыпают.

— Да я, честно, не знал. И потом, ты ж сама попросила...

— Ты никогда не знаешь то, что нужно. И вообще: кто оправдывается, тот виноват. Вот так. Понял? — Оля вдруг засвистела, как мальчишка, какую-то мелодию, похожую на вальс, и закружилась по комнате, свалив стул, на котором я только что сидел. Потом она подхватила этот упавший стул и продолжала кружиться вместе с ним. Наконец, она остановилась и с размаху плюхнулась на диван. — Какой хороший стул. Просто прелесть. Это, наверное, венский? Да, да, я знаю, это венский стул. Послушай, Андрейка, у тебя есть мука?

— Мука? Есть, кажется.

— А сгущенка?

— Тоже вроде есть.

— Отлично! Сейчас мы испечем праздничный пирог.

На кухне Оля быстренько обрядилась в мамин передник и, затребовав еще два яйца, соду и уксус, сказала:

— Ну, а ты иди пока переодевайся. Через пятнадцать минут будет готово.

— То есть как переодеваться?

— Надень фрак и костюм. Не в школьную же форму.

Я, конечно, понимал, что никакого дня рождения и никаких именин в самом деле нет. Но разве это имело значение? Главное, Оля была здесь, рядом. И мне ужасно хотелось, чтобы праздничный пирог пекся не пятнадцать минут, а по крайней мере сто лет.

Я выскочил из кухни, напялил на себя белую рубашку и даже причесался. Потом подумал: надо же подарить какой-нибудь подарок. Но легко сказать — подарить. Если бы речь шла о Петьке или о каком-нибудь другом моем приятеле, тогда б можно было что-нибудь придумать. Но вот так, сразу найти подарок для Оли... Не дарить же ей в самом деле полкоробки охотничьих капселей или модель пикирующего бомбардировщика. Лучше всего, конечно, было б цветы, но где же их возьмешь? Кроме пыльного кактуса в горшке, цветов в квартире не было.

Тут я вспомнил, что как-то вместе с Петей на

развалинах дома, шедшего на слом, мы нашли шар. По размерам он напоминал бильярдный, только сделан был из мрамора. Мрамор был нежно-голубого цвета с розовыми прожилками.

«Делать нечего — подарю шар, — решил я. — Вещь, конечно, непонятная, но... может, оно и хорошо».

Я отыскал шар в коробке со всякой мелочишкой — коробку эту мама звала «помойка», — положил его в бумажный мешок с надписью «Ленторг» и пошел на кухню, откуда уже пахло чем-то очень вкусным.

— Ты, кажется, говорил, что у нас есть мед, — сказала Оля. — Доставай. Мы из него начинку сделаем.

Вскоре из духовки был извлечен румяный, блестящий корж, который при помощи нитки мы разделили на две плоские половины. Оля полила эти половинки медом и вновь соединила.

— Все, — сказала она, — праздничный пирог готов.

В комнате я сказал:

— Ну, Оль, я тебя это... поздравляю с днем рождения. То есть с именинами. Именины — это же день ангела, верно? Значит, был такой ангел по имени Оля... — Тут я запнулся, почувствовав, что краснею. — В общем, поздравляю. Вот. — И я протянул пакет с надписью «Ленторг».

Оля взяла пакет и чуть было не уронила.

— Ой, что это тут такое тяжелое? Булыжник ты, что ли, положил?

Олины слова были так недалеки от истины, что я испугался, не обидится ли она за такой дурацкий подарок. Но, к счастью, я ошибся.

— Ммм, какой шар красивый, — сказала она. — Из чего же это он, интересно?

— Мраморный, — сказал я. — Знаешь, я где-то читал, что в Древнем Риме во время пиршеств гостям раздавали мраморные шары. Как думаешь, для чего?

— Не знаю.

— Ни за что не догадаешься. Для охлаждения ладоней. Представляешь?

— Как здорово! Значит, это древнеримский шар?

— Ну, я точно не знаю, но может быть. Вот смотри: в нем нет никаких дырок. Если бы дырка была, да еще с резьбой, значит, можно было подумать, что его куда-то крепили, подвешивали. Ну, как часть украшений. А он совершенно ровный, никаких дыр.

— Да, да, ты абсолютно прав. Это древнеримский шар для охлаждения ладоней.

Она подбросила шар, а потом тихонько пустила его по полу. Шар с тугим гудением покатился по комнате и торжественно скрылся под диваном. Оля вскочила и полезла следом.

— Да погоди, зачем? Я сам достану, — сказал я и тоже нырнул под диван. Там мы и столкнулись. Прямо лбами.

— Ой! — сказала Оля.

— Больно, да?

— Да нет, ничего. Просто ты меня напугал. А хорошо тут, правда? Я, когда маленькая была, страшно любила забираться под кровати, под столы. Да еще подушками или стульями заставиться. Сразу представлялось, что сидишь где-нибудь далеко-далеко... в какой-нибудь избушке или пещере. Ты бы хотел жить в избушке?

— Да, я бы хотел.

— Со мной?

— С тобой.

Оля приблизила ко мне свое лицо так близко, что его очертания размылись, а глаза слились в одно огромное, глубокое окно. И тут я с ужасом почувствовал, что сейчас должен чихнуть. Я отвернулся, изо всех сил потер переносицу, но было уже поздно.

— А-пчхи! — громко чихнул я.

Оля засмеялась и вылезла из-под дивана.

Когда праздничный пирог был съеден, Оля сказала:

— А сейчас мы пойдем гулять. Или нет, мы пойдем знаешь куда? В церковь. Ты был когда-нибудь в церкви?

— Был. А зачем мы туда пойдем?

— Потом узнаешь. Собирайся.

В церкви было чисто и тихо. Пахло ладаном и горевшими свечами. Мы прошли вперед, к алтарю, где на возвышении под стеклом лежала потемневшая, наверное, очень древняя икона, перед которой на массивном бронзовом подсвечнике мерцали три тоненькие нежно-розовые свечи.

Так мы простояли некоторое время. Потом Оля коснулась рукой моей ладони и тихим, низким голосом, подражая священнику, сказала:

— Венчаются раб Божий Андрей и раба Божья Ольга. Жених, согласен ли ты взять в жены Ольгу? — Она дернула меня за руку и своим, нормальным, голосом добавила: — Ну, отвечай: да или нет.

— Да, — сказал я.

Оля крепко сжала мою ладонь и вновь голосом священника продолжила:

— Невеста, согласна ли ты выйти замуж за Андрея? — Она помолчала и, повернув лицо в мою сторону, ответила: — Да.

Мы еще постояли немного, потом обошли церковь вокруг, разглядывая образы в тяжелых, золоченых окладах и читая надписи, выполненные старым, славянским шрифтом. Под образами висели белоснежные, отделанные кружевами полотенца.

— Как ты думаешь, зачем эти полотенца? — спросила Оля.

— Не знаю, — ответил я. — Скорей всего это какие-то символы. Ну, символы чистоты, торжественности.

Когда мы вышли из церкви, Оля сказала:

— Андрей, у тебя есть деньги?

— Есть, — сказал я. — Рубль. Правда, мелочью.

— Очень хорошо. Давай сюда.

Я понял, что Оля хочет

раздать эти деньги нищим старикам.

— Да, может, не надо, Оль, — сказал я. — Неудобно как-то.

— Чего ж тут неудобного? Люди просят, значит, надо дать.

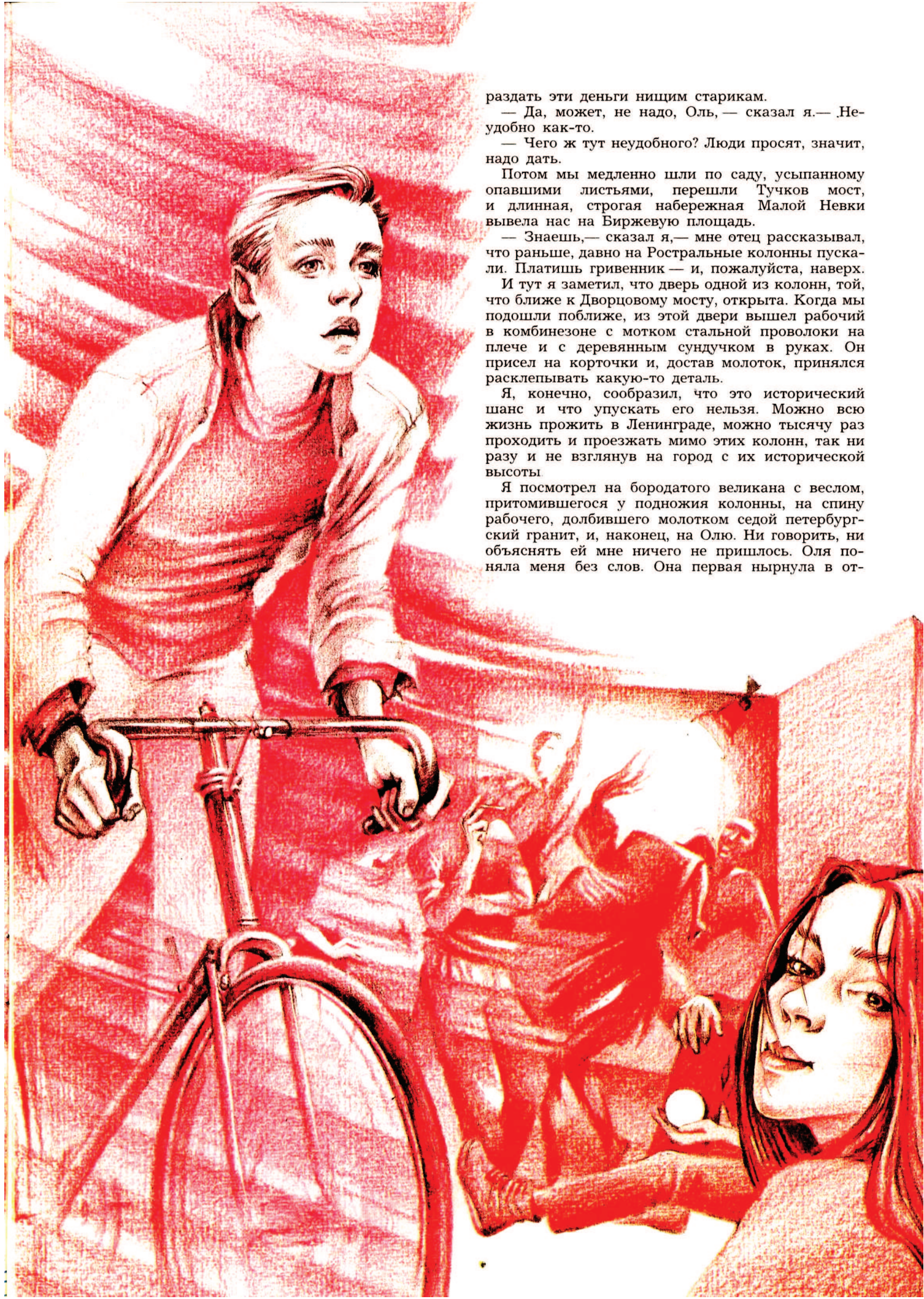
Потом мы медленно шли по саду, усыпанному опавшими листьями, перешли Тучков мост, и длинная, строгая набережная Малой Невки вывела нас на Биржевую площадь.

— Знаешь, — сказал я, — мне отец рассказывал, что раньше, давно на Ростральные колонны пускали. Платишь гривенник — и, пожалуйста, наверх.

И тут я заметил, что дверь одной из колонн, той, что ближе к Дворцовому мосту, открыта. Когда мы подошли поближе, из этой двери вышел рабочий в комбинезоне с мотком стальной проволоки на плече и с деревянным сундучком в руках. Он присел на корточки и, достав молоток, принялся расклепывать какую-то деталь.

Я, конечно, сообразил, что это исторический шанс и что упускать его нельзя. Можно всю жизнь прожить в Ленинграде, можно тысячу раз проходить и проезжать мимо этих колонн, так ни разу и не взглянув на город с их исторической высоты.

Я посмотрел на бородатого великана с веслом, притомившегося у подножия колонны, на спину рабочего, долбившего молотком седой петербургский гранит, и, наконец, на Олью. Ни говорить, ни объяснять ей мне ничего не пришлось. Оля поняла меня без слов. Она первая нырнула в от-

крытую дверь колонны. Я за ней.

Крутые каменные ступени винтовой лестницы казались бесконечными. Свет не горел, и, если б не редкие, похожие на бойницы, отверстия в стене, можно было б и застреметь.

Наконец, мы выскочили на верхнюю площадку, и город, такой знакомый и такой неожиданно другой, распростерся далеко внизу под нашими ногами. Тугой балтийский ветер хлестнул нам в лица, чуть было не сдув с головы у Оли платок.

— Вот это да! — восторженно сказала она. — Я даже не представляла, как это здорово! Смотри — автобусы, как жуки. А мостов-то сразу сколько видно... Раз, два, три... шесть штук!

— Я в прошлом году на Исакий лазил — ну, совершенно не сравнить, — сказал я. — Это, наверное, потому, что вокруг ничего не мешает, простор... Вот бы отсюда на дельтаплане над Невой!

Не знаю, сколько времени мы пробыли наверху, болтая о разных пустяках и разыскивая глазами знакомые, но представавшие в неожиданном ракурсе места, но только, когда мы спустились вниз, дверь была заперта. Я толкнул ее плечом, ударил ногой, но тяжелая железная дверь даже не шелохнулась.

— Влипли, — сказал я.

— Ну вот, это уже похоже на приключение, — сказала Оля.

Я изо всех сил заколотил в дверь ногами, но за шумом трамваев и машин никто моих ударов, наверное, не слышал.

— Н-да, — сказал я. — Приключение — это, конечно, хорошо. Но сколько ж мы с тобой будем сидеть в этой каменной кишке?

— Думаю, что вечно, — сказала Оля. — Потом, через много-много лет, когда дверь откроют, на вершине найдут два обнявшихся скелета.

— Нет, — сказал я. — До скелетов дело не дойдет. Сейчас какой месяц?

— Октябрь.

— Ну вот, к седьмому ноября, когда факелы будут зажигать, нас и откроют. Осталось всего ничего — один месяц.

Я снова повернулся к двери и принялся в нее дубасить.

— Погоди, Андрей, не шуми, — сказала Оля. Она близко подошла ко мне, подняла лицо, а потом вдруг притянула руками мою голову и поцеловала. Я стоял, опустив руки по швам, и не смел пошевелиться.

— Теперь стучи. Ну, стучи же! Что ты на меня уставился? Я замерзла. Мне здесь надоело. И, пожалуйста, не воображай, что я в тебя влюбилась по уши. Ты думаешь, почему я тебя поцеловала? Да потому, что мы сидим в этой дурацкой колонне. Понял?

— А при чем здесь колонна?

— При том. Может, в ней двести лет никто не целовался. А может, и вообще никогда. Вот ты проживешь жизнь и всегда будешь помнить, что я тебя в Ростральной колонне поцеловала. А если б я тебя на скамейке поцеловала или там в парадной, ну, ты бы и забыл скоро.

— Я бы не забыл, — сказал я.

— Ладно, не сердись. Я знаю, что ты бы не забыл. Но я хочу домой. Мне здесь надоело. Да открой же наконец эту проклятую дверь!

Когда мама уводила меня из семнадцатого отделения милиции, она ничего не говорила. Она молча шла, крепко держа меня за руку.

А я только об одном думал: «Хорошо, что мне

удалось упросить милиционеров, сажавших меня в «ПМГ», не забирать Олю». Не повезло только, что дежурный, звонивший мне домой, наткнулся на маму.

На трамвайной остановке, пока мы ждали «тридцать третий», мама наконец отпустила мою руку и тихо спросила:

— Зачем ты туда залез?

— Да посмотреть хотелось, понимаешь. Ну, что особенного-то?

— Что посмотреть?

— Ну, город. Папа рассказывал, что раньше туда пускали и они с ребятами на свой дом смотрели.

— Смотрели на свой дом. Не понимаю. Почему на дом нужно смотреть с Ростральной колонны? Я этого не понимаю. Вот что, мой дорогой, будешь теперь сидеть дома на привязи. Как собака. Понял?

Напульсник времени

— Квартирка ничего... Ничего квартирка, — говорил дядя Боря, расхаживая по комнатам. — Кухня... Сколько кухня? Шесть и семь?

— Шесть и семь, — сказала мама.

— Так, так, так... Две лоджии. Очень хорошо. Одну застеклить надо. Ага, ванная. Н-да, ребятки, не обижайтесь, но кафелек у вас аховый. Как в морге, кафелек.

— Хозяина в доме нет, — сказала мама и выразительно посмотрела на папу.

— А это что у вас висит? — спросил дядя Боря, взглянув на потолок.

— А это, Боречка, линия электропередачи висит. Я уже три года прошу этих лодырей скрытую проводку сделать — как об стенку горох. Им ничего не надо, живут, как в хлеву.

— Ну, Семенова, не ворчи, не ворчи. У тебя такие мужики! А проводка — ерунда. Я тебе нашего Гриню пришло — он за пять минут все сделает. Вот линолеум, братцы, — это никуда не годится. Человек должен ходить по паркету.

— А мне нравится, — сказал папа. — Очень удобно: провел мокрой тряпкой — и чисто.

— Оно, конечно, мокрой тряпкой тят-ляп. Но вы ж, ребятки, не в Доме колхозника живете. Свою норку можно и поскрести. Поскрести можно.

— Ну что ты говоришь, Боря! — всплеснула мама руками. — Кто это будет скрести? Живут, как на вокзале. Ты посмотри, какой стол у этого так называемого ученика.

На столе у меня, конечно, как и всегда, был творческий беспорядок. Иногда папа, посмотрев на него, говорит: «Жаль, что я не художник. Готов биться об заклад, что такого неожиданного натюрморта нет ни в одной картинной галерее». Мама выражается короче и яснее: «Помойная яма». Сейчас, помимо разбросанных учебников, тетрадей, сломанных карандашей и непишущих ручек, на столе лежали: тиски слесарные, модель вертолета «Ми-5» с отбитым хвостом, обрезок сосновой доски, два десятка стреляных гильз от малокалиберной винтовки, собачий жетон, бутылка эпоксидной смолы, проржавевший напильник, кусок плексигласа и прочая разная мелочь, состоявшая из маленьких гвоздиков, шурупов, гаек, заклепок. Весь этот натюрморт был густо посыпан стружками и алюминиевыми опилками.

— Ничего, ничего, — сказал дядя Боря, взглянув на стол. — Из хаоса рождается порядок.

Я тебе скажу, к кому обратиться.

Выходя из комнаты, дядя Боря зацепился за пластмассовый плинтус, и тот с диким треском отвалился от стены.

— Ох, простите, я, кажется, что-то сломал,— сказал дядя Боря, с удивлением глядя на провода, которые прикрывал плинтус.

— Пустяки,— сказал папа.— Он у нас все время отскакивает.— И, приложив плинтус, саданул по нему ногой. Тот с неменьшим треском встал на прежнее место.— Вот и порядок!

Когда мы сели ужинать, дядя Боря сказал:

— Погоди-ка, Аня, у меня тут бутылочка есть. Застойная. Теперь такую днем с огнем не сыщешь.— И он достал из «дипломата» бутылку «Рябины на коньяке».

— Борис Михайлович,— сказал папа,— вы же, кажется, на машине. Вам бы не надо...

— Ничего. Рюмочку можно. За встречу.

— Да я понимаю, что вы с рюмки не опьянеете. Но ведь без прав из-за такой ерунды остаться можно.

— Ну, ну, ну, не преувеличивайте, Александр Николаевич. В конце концов, заплатим штраф.

— В таких случаях, вы же знаете, штраф не берут.

Дядя Боря засмеялся:

— Это, дорогой мой, смотря какой штраф. Три рубля не берут, а вот триста — еще как берут.

— Это не штраф, а взятка,— сказал я.— И если честный милиционер попадется, он у вас все равно права отнимет.

— Не суйся во взрослые разговоры,— сказала мне мама.— Ешь быстрее и иди разбирай свою помыку.

— Пусть, пусть сидит,— сказал дядя Боря.— Большой уже мужик, должен знать, что почему в этой жизни. А жизнь, ребятки, дорожает. Дорожает жизнь.

— Мне кажется, наоборот,— сказал папа.— Жизнь обесценивается.

— Ну, это вы в философском смысле. Но, дорогой мой, из философии каши не сварить и сапог не сошьешь. Вы мне лучше, Александр Николаевич, скажите, не писали ли вы стихов?

— Как же не писал! Писал. Помню, в пятнадцать лет я даже поэму сочинил. Называлась «Лимонный свет». Потом я сжег ее в печке, полагая, что иду по стопам Гоголя. Помните, тогда ведь печки еще были, а в них так и подмывало что-нибудь сжечь. Теперь писателям туго: совсем нигде спалить даже маленькую бумажку. Поэтому приходится все тащить в издательства. А почему вы вдруг об этом спросили? Уж не заведуете ли вы издательским кооперативом?

— Нет, нет, у нас другой профиль. Дело у нас деликатное, но нужное. Нужное дело. Сейчас ведь народ к чему потянулся? К истокам, к истокам потянулся, к культуре. В том числе и к культуре на кладбищах. Верно, Семенова?

— Конечно, Боречка, конечно,— сказала мама, подкладывая дяде Боре салат.

— То-то и оно. Раньше ведь как: зарыл покойника, сунул в землю трубу водопроводную со звездой из жести — и вся любовь к усопшему. Теперь нет. Теперь все хотят камешек. А то и памятник с ангелочками да херувимчиками. Да чтоб непременно букочки золотые — на веки вечные.

— А-а, так у вас похоронное бюро,— сказал папа.— Вы, стало быть, гробовщик?

— Ничего подобного. Мы занимаемся только камнями: ну, плитка там, столбик, крестик. Кому что по душе. И по карману.

— Замечательно. Только непонятно, чем бы, скажем, я мог бы быть полезен. Вам ведь каменотесы нужны, грузчики.

Дядя Боря выпил рюмку и, захрустев маринованным огурцом, назидательно сказал:

— Нам, дорогой мой, никто не нужен. Думаю, легче занять кафедру в университете, чем устроиться к нам грузчиком. Что же касается вас... Видите ли, клиенту теперь камня с именем и с датой мало. Ему надпись подавай трогательную, желательную в стихах.

— Понял, понял, вам нужен сочинитель эпитафий. «Зачем душистыми цветами земля могилы убрала? Не ощутима мертвецами их освежающая мгла».

— Вот, вот, вот,— закивал головой дядя Боря.— Только это вы что-то старинное прочли. А надо бы посовременнее. Между нами говоря, я сам тут сочинять пробовал. Но туго, туго идет. Не мой профиль. Одну, правда, написал, и вроде неплохо. Да я вам сейчас прочту.— Дядя Боря полез в карман и, достав бумажку, продекламировал:

*Безвременно прервал ты свой полет
Над миром нашим суетным и спешным,
Как в небе пораженный самолет...
И вот охвачен мраком ты теперь
крошечным.*

— А? Ну как?

— Гениально,— сказал папа.

— Я понимаю, вы иронизируете,— сказал дядя Боря.— Конечно, не шедевр.

— Почему же? — сказал папа.— Как раз шедевр.

— Ну, не будем, не будем. И все-таки, согласитесь, звучит вполне современно: полет — самолет. Чувствуется пульс времени.

— Скорее, напульсник,— сказал папа.

— Я не знаю, Саша, что такое напульсник,— сказала мама.— Но работа, мне кажется, очень интересная. Творческая. Я бы, не задумываясь, пошла.

— Погоди, Аня,— сказал дядя Боря,— расширим дело и тебе место найдем.

— Плакальщицей, например,— сказал папа.

— А что это такое? — спросил я.

— А это оплакивание покойников за умеренную плату.

— Лучше оплакивать чужих покойников, чем свою жизнь,— сказала мама.

— Ну, ну, ребятки, перестаньте,— сказал дядя Боря.— Что за настроение? Жизнь прекрасна и удивительна. Надо только рассуждать поменьше. И побольше делать.

Когда дядя Боря ушел, папа налил себе рюмку, выпил и сказал:

— Вот и хорошо. Теперь, Семенова, у тебя не будет проблем с моими похоронами. Как это там: «...охвачен мраком ты теперь крошечным».

— Надо в течение недели позвонить Борису и дать ответ,— сказала мама и, поджав губы, пошла на кухню мыть посуду.

— Не боимся буржуазного звона и ответим на вызов Керзона,— сказал папа и вылил остатки наливки в фужер.

— Пап, да не пей ты эту дрянь застойную,— сказал я.— Пойдем лучше споем что-нибудь.

— Да, да, надо спеть. Знаешь такую песню: «Мы рождены, чтоб сказку сделать былью...»

Я взял папу за руку и повел в свою комнату. Так однажды я вел первоклассника, заблудившегося в новостройках.

Трудно нарисовать медведя

Я шел по двору из магазина, когда вдруг кто-то сзади на меня наскочил и закрыл ладонями глаза.

— Петька? — спросил я.

— Нет, не Петька. А ты только о своем Петьке и думаешь.

Я обернулся и увидел Олю.

— Да нет, — смутился я, — с Петькой мы договаривались... Я решил...

— Ладно, ладно, не оправдывайся.

— А что это у тебя? Прическа какая-то новая.

— Я подстриглась. Нравится?

Волосы у Оли стали совсем короткими, и теперь она походила на мальчишку.

— Нравится, — сказал я. — А ты куда?

— Я тебе звонила. А сейчас специально вышла, чтоб тебя встретить. Прямо не знаю, что делать.

— А что такое?

— Ты мою подружку Катю Чупрову знаешь?

— Ну, знаю немного.

— Так вот, она заболела, лежит, температура — сорок, горит вся. А бабка ее в деревню на два дня уехала. Одна лежит, бедненькая.

— А где ж родители-то?

— Ты разве не слышал? Отец в тюрьме, а мать с другим давно живет. У нее только бабка.

— Так посиди с ней.

— Вот, я про то и говорю, что надо посидеть с больным человеком. Но у меня родители надумали в театр пойти, а на меня Наташку оставили. Ну, как я уйду?

— Так ты чего, хочешь, чтоб я с Наташкой посидел?

— Умничка. Все сразу понял. Да ты не бойся, она уже большая, ей почти три.

Большая Наташка сидела на полу в прихожей и орала что есть мочи.

— Вот видишь, — сказала Оля. — Не может и минутку одна побыть. А вообще-то она у нас девочка спокойная, ты не думай. — И, схватив Наташку на руки, понесла в комнату. — Ну, что ты орешь? Ты лучше посмотри, кто к нам пришел. Андрюша пришел. Знаешь, как Андрюша хорошо рисует? Сейчас он тебе верблюда нарисует. Где наши карандашники?

— Не хочу верблюда, — сказала Наташка. — Хочу зайца.

— Он тебе и зайца нарисует, и бегемота.

Оля усадила Наташку за маленький столик, достала карандаши и альбом.

— Оля, да я в зайцах не силен. Я ей лучше гранатомет нарисую. Или машину.

— Нет, зайца, — сказала Наташка и сбросила карандаши на пол.

— Будет, будет тебе заяц. Не пищи, — сказала Оля, а я полез собирать карандаши. — Ну, детки, рисуйте, не скупайтесь. Я побежала. Андрей, горшок под кроватью.

— Какой горшок?

— Ну, если она запросится, посадишь на горшок. Неужели не понятно? Все. Я ушла.

С зайцем я кое-как справился. Уши, во всяком случае, получились. Потом я нарисовал слона, жирафа и утку, а Наташка раскрасила их в красный цвет.

— А теперь давай нарисуем пикирующий бом-

бардировщик, — предложил я.

— Нет, трех медведей. Маленького мишутку, папу медведя и маму медведицу.

— Да ты что! Мне такую картину не осилить.

— Нет, осилить. Рисуй.

Спорить было бесполезно, и я принялся за медведей. Но медведь — это не жираф и не утка. И, как я ни бился, выходило у меня нечто странное.

— Я тебя медведя просила, а ты свинью нарисовал, — заскулила Наташка.

— Да какая же это свинья? — оправдывался я. — Разве у свиньи такая шерсть бывает?

Но аргументы на Наташку не подействовали. Рот у нее вдруг скривился, из глаз покатились крупные слезы, и она зашлась таким громким криком, что мне не по себе стало.

— Ну, не реви, не реви. Ну, что ты реवेशь? Ты, наверное, это ... на горшок хочешь.

— Ма-ма! — кричала Наташка. — Где мама-а-а!

— А давай я тебя покатаю, — предложил я. — Ну-ка, забирайся.

Я посадил Наташку на плечи и забегал по комнате. На третьем круге она успокоилась и притихла. На шестом я выдохся, подошел к окну и вдруг увидел Петю. Он медленно ехал по двору на велосипеде, дергая руль и пытаясь встать на заднее колесо. Сняв Наташку, я вскочил на подоконник и закричал:

— Петя! Постой, не уезжай!

Петя подъехал под окно и, разглядев меня, крикнул:

— А ты как там оказался?
— Да потом объясню. Заходи.
— Куда?

— Ну, сюда. Я тут один. То есть не один... Ну, в общем, заходи. И велосипед тащи.

Наташка, увидев велосипед, обрадовалась и тут же полезла на багажник. Петя посадил ее и насупленно спросил:

— Чего это ты тут делаешь?

— Да понимаешь, подруга у Оли заболела. Вот она меня и попросила с сестренкой посидеть. Родители у них в театр ушли.

— Ну, сиди, сиди. А я пошел. И незачем мне было переться наверх.

— Да, Петь, не уходи. Поможешь мне медведя нарисовать. И вообще посидим, поболтаем. А?

— Нет, ты уж без меня медведей рисуй. И ослон. Некогда мне.

Петя снял Наташку с багажника, открыл дверь и попытался с велосипедом на площадку.

Не понравилось мне, как Петя со мной разговаривал. Ох, как не понравилось. Ну, не любит он Олю, неприятно ему, когда я с ней вижусь, но чтобы так... Да и в конце концов я ж не с Олей тут рассиживал, а с маленькой Наташкой. Она-то здесь при чем? Я чувствовал, что если Петя сейчас уйдет, то нашей дружбе конец. А мне этого совсем, ну, совсем не хотелось.

Я взял Петю за локоть, легонько толкнул и, посмотрев ему в лицо, спросил:

— Ты чего?

Петя опустил голову, потом сказал:
— Да я-то ничего... Подружку, говоришь, навесить пошла. Уж не Чупрову ли?
— Ага, Чупрову. А ты... ты откуда знаешь?
— Наврала она тебе все — вот откуда.
— Как наврала? Ее что, нет у Чупровой?
— Почему же нет, есть. Только у этой больной подружки такой балдеж стоит — за три квартала слышно.

Не говоря больше ни слова, я вырвал у Пети велосипед и через три ступеньки понесся вниз. Во дворе вскочил в седло и изо всех сил нажал на педали. Напрямик, через газоны, под арку, потом по улице, снова под арку... Первый двор, второй... Стоп. Кажется, здесь.

Я огляделся и сразу понял, что можно ехать назад. Из окон первого этажа, где жила Чупрова, гремела музыка. Во дворе стояли четыре мотоцикла. Один из них был прислонен к стенке, и какой-то мальчишка, стоя на седле, что-то кричал в форточку и махал руками. Когда я подъехал, из парадной вышли Борька Кузнецов и незнакомая девчонка с накрашенными губами и с розовым нарумяненным лицом. Они сели на мотоцикл и с треском помчались на улицу.

Да, можно было уезжать. И все-таки я медлил, еще на что-то надеясь. Я зашел в парадную и, закатив велосипед под лестницу, подошел к дверям квартиры. Дверь оказалась незакрытой.

Музыка редела, скрежетала и вышла с такой невероятной силой, что в первый момент хотелось заткнуть уши. Особенно выделялись басы. Они бухали по стенам, по окнам, по потолку, и казалось, что где-то рядом забивают сваи. В квартире было так накурено, что щипало глаза. Несколько человек танцевали, кто-то сидел с ногами на диване, кто-то стоял по углам, переговариваясь, трое ребят полулежали прямо на полу, упершись спинами в стену. Олю я увидел среди танцующих, но она меня не замечала. Надо было уходить.

Я попятился к выходу и тут вдруг увидел в руках у одного из мальчишек, сидевших на полу, шар. Тот самый мраморный шар с розовыми прожилками, который я подарил Оле. Мальчишка картинно дымил зажатой в зубах сигаретой и лениво перебрасывал шар с ладони на ладонь. Уж не знаю почему, но этот шар меня доконал. Я повернулся и пошел к выходу. И в этот момент Оля меня увидела. Она побежала следом и уже на площадке схватила за локоть.

— Откуда ты взялся? Ты что, бросил Наташку? Ты за мной следил? — рассерженно заговорила она.

— Не волнуйся, с Наташкой Петя сидит, — сказал я.

Оля сразу же успокоилась и как ни в чем не бывало сказала:

— Ну, а чего ж ты уходишь? Пойдем потанцуем. Видишь, Катя уже поправилась. — Она громко, неестественно засмеялась и потащила меня за рукав в квартиру.

Тут бы мне как-то особенно на нее посмотреть, таким, как пишут в книжках, испепеляющим взглядом. Но я совершенно не представлял, как это делается.

Я просто снял Олину руку с плеча и ушел.

Голубая «вольво»

У Алисы, которая в страну чудес попала, однажды спросили: «О чем ты сейчас думаешь?» А та отвечает: «Вот скажу, тогда узнаю».

Если бы меня в тот момент кто-нибудь спросил, куда я еду, я бы, наверное, тоже сказал, что вот, приеду и будет ясно.

Я неторопливо крутил педали Петиного велосипеда, и в голове у меня была пустота. Пустота — это только так говорится. Такого не бывает, чтоб у живого человека в голове совсем ничего не было. Какие-то тусклые, пустяковые мыслишки обязательно шевелятся, шуршат, роятся, как мошки под дождем.

Педадь скрипит. Левая. Наверное, подшипник полетел. Надо бы сказать Пете, чтоб каретку разобрал. Или нет, он не сумеет. Я сам разберу. Неплохо бы и свой велосипед посмотреть, смазать, подготовить к зимней спячке. Да, зима уже скоро, снег...

Когда это было? В прошлом году или... Нет, в позапрошлом. Мы с папой на Вуоксу поехали, на зимнюю рыбалку. Лещей наловили, плотвы, окушков — много, с полведра, наверное. Даже щучка одна попалась. Красавица... А потом назад отправились и застряли в снегу. По самое днище. Пошли в лес за сухими ветками, чтобы под колеса подложить. Темно уже было. Снег глубокий, по колено, чистый, легкий. И мороз... Градусов двадцать. Вышли на поляну. Тут из-за елок луна вывалилась. Да какая там луна — луница! Огромная, зеленая и такая яркая, что хоть часы ремонтируй. Папа сел на пен, голову на луну задрал, будто загорает. Потом говорит: «Садись. Посидим немного. Жаль так сразу уходить». Я рядом пристроился, папа мне руку на плечо положил и вдруг начал стихотворение читать. Не буду врать, что у меня память какая-то особенная. Но этот стих я почему-то сразу запомнил. С первой до последней строчки:

*Ночь тиха. Мороз сияет.
Выходи, снежок хрустит.
Пристяжная озябает
И на месте не стоит.
Сядем, полость запахну я,
Ночь тиха, и ровен путь.
Ты ни слова. Замолчу я,
И — пошел! Куда-нибудь.*

Потом мы еще немного посидели, «позагорали» и только идти собрались — вдруг из-под елки прямо на середину поляны заяц как выскочит! Бултых в снег! На задние лапы вскочил и смотрит на нас с любопытством — уши торчком. И совершенно не боится. Мы с папой, конечно, замерли, не дышим. А заяц так посмотрел-посмотрел да и поскакал прямо на нас. Я даже подумал, уж не хочет ли он с нами вместе на пенек посидеть. А то и прогнать — может, мы его наблюдательный пункт заняли. Когда до нас уже совсем близко было, метра три, заяц свернул в сторону и неторопливо потрусил в лес... А пристяжная — это лошадь, которую сбоку от оглобеля запрягают. В центре коренная, а по бокам две пристяжки — вот и птица-тройка. Но к чему это я вдруг про лошадей? Ах да, стихотворение: «...И — пошел! Куда-нибудь».

Но идти, а вернее ехать, дальше было некуда. Город кончился, а впереди передо мной лежал Финский залив. Берег у воды был завален камнями, подгнившими бревнами, битым кирпичом, расколотыми бетонными плитами, из которых торчала ржавая, словно проросшая арматура.

Спустившись с обрыва, я сел на гладкое, отполированное волнами бревно, да так и просидел минут сорок, пока плоское, багровое солнце не